

ОКТЯБРЬ

1 октября / [14 октября н. ст.] 1900 г.

ХРОНИКА

Сергей Дягилев

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ

(Письмо в редакцию)

Считаю нужным сказать несколько слов по поводу разгоревшейся полемики между И. Е. Репиным и сотрудником «Нов. вр.» г. Сторонним.

Последнюю свою заметку г. Сторонний оканчивает дурного тона шуткой, будто бы И. Е. Репин в своём письме заявил «богатырским голосом: "Не верьте стороннему человеку - всё врёт!"» Очень приятно, что сам г. Сторонний определил, и притом так ясно, то впечатление, которое получается при чтении его писаний.

В первой из своих заметок г. Сторонний, вероятно, только что вернувшийся из Парижа, сообщает нам, что на парижской выставке «картина г. Врубеля повешена на видном месте, - а Рериха (его [Стороннего] протезе) поместили где-то на задворках». Действительно, в данном случае «сторонний человек — всё врёт», ибо на парижской выставке совсем нет ни одной картины Врубеля, и остаётся под сомнением лишь тот факт, будто «г. Рерих помещён на задворках».

Далее г. Сторонний рассказывает, что я «приглашал г. Рериха к участию на выставках журнала» и что он будто бы «не пошёл на такое приглашение». Здесь опять не без «вранья». На посланное ему приглашение г. Рерих письменно ответил, что «надеется участвовать на этой выставке и своевременно будет ждать извещения о времени её устройства».

Затем г. Сторонний оповестил, будто бы «Мир искусства» «подвёл итоги и сбалансировал (!)» успехи русского отдела в Париже. И здесь опять «сторонний человек — всё врёт».

«Мир искусства» поместил полный список медалей и наград, полученный им из Академии художеств, и поместил его без всяких оговорок. Сделал он это совершенно обдуманно, ибо, зная отлично всю историю присуждения медалей, он считал излишним настаивать на таких вещах, как «перебаллотировка» г. Васнецова или «оценка» г. Рериха. Но г. Сторонний своею бестактностью вынудил проф. Репина обнаружить эти факты.

Едва ли художник Рерих поблагодарит г. Стороннего за его энергичный «протест», из-за которого все узнали, что Малявин получил золотую медаль 42 голосами из 45, а «многообещающий» Рерих, при баллотировке в кандидаты на бронзовую медаль, заставил подняться лишь «три руки», из которых одна, быть может, была самого г. Репина.

Далее г. Сторонний, несмотря на разъяснения г. Репина, настаивает на комичной параллели между Васнецовым и какими-то, никому у нас не известными, Мордасевичем и Пеховским, получившими низшие отличия на выставке и, благодаря этому, попавшими в официальный список наград.

Такой приём едва ли поможет г. Стороннему дискредитировать авторитет жюри, «добросовестность» которого так категорично засвидетельствована И. Е. Репиным, выступившем в своём письме как официальный представитель русского искусства на Всемирной выставке, сам оценщик, сам судья.

Тем, кто задаётся нелепым вопросом: «Могут ли французы или немцы так уж безусловно решать», что у нас хорошо, что худо, — тем лучше совсем на суд этих немцев и французов и не идти, а если уже пошли, то на «три руки» пенять нечего.

Наконец, г. Сторонний упрекает И. Е. Репина в том, что он своим письмом как бы «пристал к журналу, где его не признают». При чём тут отношение г. Репина к журналу, и какая связь между раздачей наград на выставке и редакцией журнала «Мир искусства» — я понять не могу.

Очень рад за сотрудников «Мира искусства», получивших все первые медали отдела, но особого значения я этому факту отнюдь не придаю, ибо вообще не считаю существенным присуждение каких бы то ни было наград, хотя бы и на всемирных выставках.

1-го октября 1900 г.

Россия. 1900. 3/16 октября. № 518.

***/20 октября] 1900 г. Париж.
Открытое письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.***

Открытое письмо с ч/б фото, внизу надписи:

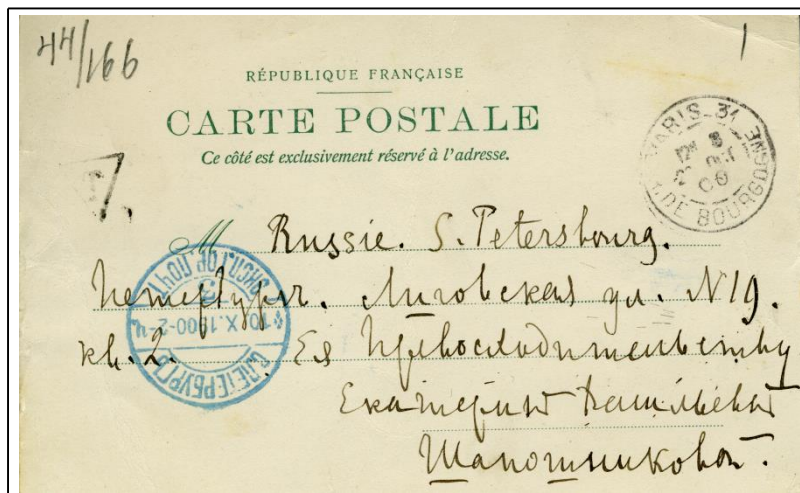

Exposition universale – 1900 Quai Debilly près du Vieux Paris
(Набережная Дебилли возле старого Парижа – фр.)

*Ниже рукой Н. Рериха:
Мой адрес: Rue de Bourgogne*

7. Hôtel de Bourgogne. <J...tude> des lettres
<... ..>

На обороте адрес и штемпели:

M Russie. S. Petersburg.
Петербург. Лиговская ул. № 9. кв. 2.
Её Превосходительству
Екатерине Васильевне Шапошниковой.

На штемпелях даты: [20.09.1900]. Paris-31] / 10.X. 1900. С.Петербург.

Отдел рукописей ГТГ, 44/133, 1 л.

**5 [ст.ст.] октября [1900 г.] Париж.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Hotel Dominiri.
Rue Castiglione. Paris.

Ладушка моя хорошая.

Вчера нашёл Твои два письма. Несколько дней писать не буду, ибо при Свиньине трудно, да и Ты это время не пиши, ибо он хочет, чтобы я читал ему письма. Как с ним тяжело! Остаюсь в Париже.

Смотри, не болей. Целую Тебя крепко. Потом напишу кое-что Тебе очень приятное. Люблю Тебя ещё больше.

Н. Р.

Четверг 5 Окт.

Отдел рукописей ГТГ, 44/254, 1 л.

**11[ст.ст.] октября [1900 г.] Париж.
Письмо Н. Рериха к Е.И. Шапошниковой**

**Hotel de Bourgogne.
Rue de Bourgogne. Paris**

11 Октября
6 часов вечера

Милая, родная моя, сейчас получил письмо Твоё – оно меня убило совсем. Господи, разве могу я думать о мести, об обиде – когда Ты для меня – всё. Что это с Тобою? Родная моя, не болей! Разве я Тебе писал худые письма? Разве письмо от 27 Сент. не сказало Тебе многое? Ведь только Тобою живу я!!! Что эти дни не пишу, то только потому, что и Свиньин и прочие мои спутники рвут меня на части и не дают возможности взяться за перо. Не отнимай у меня хоть остаток веры.

Когда я прочитал письмо Твоё, у меня просто голова закружилась и захолодели руки.

У нас тяжёлая участь, не дай же обстоятельствам восторжествовать! Силы и силы! Письмо об отъезде было кратко, ибо у меня опять сидел Свиньин, который чужих интересов не признаёт.

У меня теперь страшное время; надо устроить всю жизнь. Надо мастерскую, надо весь режим выстроить. За Тебя болит моё сердце. Найди силы в музыке. Разве Ты можешь допустить, чтобы я отнёсся к Тебе небрежно?

Сегодня даже не мог удержаться и хотя очень смутно, но поговорил о Тебе с Фроловым.

Бедная Ты моя! Господи, неужели Ты захвораешь? Радость моя, жизнь моя – тогда мне ничего не останется.

Если бы знали все те многие люди, что сидят около меня в настоящую минуту, о чём и кому я пишу. Все кричат и зовут меня к столу, а разве могу я в таком состоянии есть, и думать и говорить о чём-либо.

Ради Бога, хоть коротко пиши мне.
Целую Тебя и живу Тобою.

Н.

Отдел рукописей ГТГ, 44/282, 2 л.

**12 октября (ст.ст.) [1900 г.] Париж.
Письмо Н. Рериха к Е.И. Шапошниковой**

Hotel de Bourgogne. Rue de Bourgogne. Paris

12 Окт.

Милая моя и родная моя.

Сегодня я весь день сам не свой. Что-то с Тобою там делается? Здоровали? Утром не удержался и послал телеграмму, ответа ещё нет. Как скверно писать самому дорогому для меня человеку на дворе отеля среди безобразного шума и грохота экипажей. В комнате же писать и того хуже, ибо даже стола

порядочного нет, и, хотя мы и занимаем впятером пять комнат, но они больше похожи на курятники. Самочувствие у меня неважное, голова тяжёлая, а тут Свиный пристаёт, чтобы я его проводил до Вены, и, пожалуй, это придётся исполнить. А мне сильно не хочется. Мне до невероятия беспокойно о Тебе. Если бы я мог, вырвал бы Тебя сюда в Париж, и как бы мы зажили здесь хорошо. – Вдали от всех; нас бы никто не знал, и мы бы никого не ведали. Воображаю, что Тебе приходится переносить это время. Бедная Ты моя! Только как же это Ты допустила мысль, что я не писал Тебе, потому что не хочу.

Если бы Ты знала, сколько мне приходится переживать за это время – прямо ноги отказываются ходить, а голова мыслить. Жду, когда разъедутся мои спутники, и возьму себе мастерскую. Я жду этой минуты, но в то же время и боюсь её, ибо остаться одному в 4-х стенах при мысли, что любимому человеку где-то нехорошо – слишком тяжело. Напиши же мне хоть раз обстоятельно, страницах на 6, не меньше.

Вот меня уже опять тащут... Целую Тебя крепко и жду письма.

Милая моя, хорошая – неужели Ты меня ненавидишь? – за что?

Отдел рукописей ГТГ, 44/283, 2 л.

13 Октября [1900 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Пятница. 13 Октября

Милая и родная моя,

как мне скверно от этой цыганской жизни, уже хочется покоя, хочется работы, а более всего хочется видеть и слышать Тебя. Я думал, на телеграмму будет телеграфный ответ, ан его и не было. Если Тебе мои письма необходимы, то ведь и мне Твои тоже необходимы не менее. От всех впечатлений голова стала как сундук, но несмотря на весь хлам и отрепье, навалившееся сверху, меня всё же сосёт основная мысль о Тебе, как бы Тебе за это время не изломаться, как бы не подорвать и без того шаткие нервы? Отчего это нам такая трудная дорога выпадает? На днях мне писала Беклемишева, что чем труднее дорога, тем в лучшие места она приводит, пусть бы так было!

Рано или поздно, но Ты будешь у меня в Париже, и мы поживём вдали от всех среди сильной работы. Или, быть может, Ты уже поверила всем утешениям? – это я только в шутку говорю, я знаю, какая Ты в сущности прочная и крепкая и ищешь в жизни вовсе не то, что ждут от неё миллионы прочих.

Прямо не могу писать и сосредоточиться среди разговора и шума – всё равно, если бы я стал целовать Тебя при других.

Завтра еду со Свиным в Мюнхен (он очень просил), довезу его и через два дня буду снова в Париже, где надеюсь найти Твоё письмо.

Миленькая, хоть мысленно поцелуй своего Майчика, для которого Ты будешь всё навсегда. Пиши подробно про здоровье и про всё прочее, когда дня два не получаю Твоих писем, мне всё становится противно. Поцелуй Ек. Вас.

Пиши: отель Bourgogne.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/421, 2 л.

**15 ст.ст. / [26] октября [1900 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Родная моя,
уже 3-й день не получаю писем Твоих и это мучает меня очень. Вчера вечером уехали Свиньин и Фролов, оба в СПб., один через Вену, другой через Берлин. (Мне удалось отделаться от поездки в Вену, ибо тратить на один проезд 320 фр. – уже слишком). Итак, дня через два я останусь совсем один (здесь ещё Жесель и Суслов) и опять поговорю с Тобой, как говорил 27-го. А если бы Ты знала, как мне хочется опять выложить подробно всё, что у меня на душе. Думаю о Тебе, а сам должен искать мастерскую, покупать печь, мебель, посуду и всякую дребедень, так что никто и не догадается, что у меня на душе.

Французы встретили меня очень радушно, уверяют, что не дадут мне скучать и пр. Словно бы я для веселья приехал. Свиньин говорил, что коли что – сейчас же будет вызывать меня в СПб. Но это ведь химеры?

Просто и не знаю, как я буду в мастерской без Тебя. Но пока Ты должна гордиться Майчиком хоть в одном отношении, ибо, несмотря на многое (благодаря моим спутникам), я вполне корректен с женщинами – это уже не химера). Пусть будет это нехимера I.

II нехимера, надеюсь, будет моя усиленная работа, а там придёт и III какая-нибудь нехимера.

Сейчас еду с Французом искать мастерскую.

Миленькая, когда же, наконец, будет у меня Твоя карточка? Мне без неё трудно.

Как же здоровье Твоё? Как силы? Не давай обстоятельствам торжествовать над собою – это будет постыдно. Поцелуй Екатерину Васильевну и, ради Господа, пиши.

Твой Н. Р.

15 Окт. с/с

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/405, 2 л.

**[17] / 29 Октября (нов. ст.) [1900 г. Париж].
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Родная моя Ладушка,
пишу Тебе вконец простуженный – страшный насморк и горло немного болит. Что это от Тебя ни слуху, ни духу? Мне это ужасно беспокоит. Каждый день масса новых лиц и имён. Сейчас надо ехать с визитом к Харламову (Пред. здешнего русского худож. клуба). Только что познакомился с двумя крупными художественными комиссионерами – это знакомство пригодится в будущем. Мне большие услуги в смысле художественного знакомства делает Морриес – наш, из Общества Поощрения.

Вчера нам устроил обед здешний архитектор Правительственных Сооружений. Завтра ещё предстоит обед, на котором меня познакомят с Яковлевым из России. Словом, если мои русские приятели не подложат мне свиньи, здесь можно занять известное положение.

Теперь надо искать мастерскую. Можно найти на 1200-1300 фр. недурную.

Встретился с одним русским семейством, которое поселилось здесь навсегда, чтобы учиться пению – приняли меня ужасно тепло, ибо у нас хорошие общие знакомые.

Пиши, миленькая. Если бы только Ты здесь была, то-то бы было хорошо.

29 Октября н/с.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/427, 2 л.

[Около 18 -19 октября 1900 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Шапошниковой

Среда

(Пиши на письме и день, а то по числу мне трудно сообразить)

Дорогая моя Ладушка, с болью прочёл я письмо Твоё — что-то неладное творится с Тобою. Зачем Тебе все эти выезды, все эти гулянья и прочее — разве в них Ты должна искать себя? Ты говоришь, что всё это не отразится на музыке; неправда, оно должно, непременно должно отразиться; должно отразиться, может быть, даже невидимо для себя. Все эти выезды со всею их пошлостью, разве могут они способствовать обострению чувства в смысле понимания музыки? Насколько хороши для этого театры и концерты, настолько непригодны вечера и балы. Нового-то кругом много, но что Ты называешь новым и где его искать собираешься - мне неясно.

Если Ты временно думаешь заслонить недостижимую жизнь другою жизнью, то помни, что не следует за неимением скамейки непременно садиться на помойную яму. Миленькая, не погуби способностей своих, ведь чутьё развивается в нас только до известного времени, а потом оно грубеет; дорогая, не пропускай этого времени - оно так недолго, оно пролетит так быстро, и если за это время в Тебе не вырастет чего-либо крепкого и здорового, то тогда останется один хмельной перегар и горечь - ничем не поправимая. Дальше от больших компаний! глубже в себя! - если хочешь сделать что-либо достойное. Быть художником, вести за собою публику, чувствовать, что каждой нотой своей можешь дать и смех или слёзы - это ли не удовлетворение?

Ты говоришь, достаточно одного письма в неделю. Так относиться к переписке я не могу, я могу писать тогда, когда мне хочется Тебя повидать и с Тобою поговорить. Как часто это может быть - я не знаю. Разве интересна для нас описательная часть письма - нам важна та частица дорогой и близкой души, которая засветилась на этих листках. Когда прочёл я письмо Твоё - добрых полчаса ходил из угла в угол; во мне толпились какие-то неясные обрывки мыслей, и на сердце стало тяжело просто невыносимо - ибо с Тобою творится что-то неподходящее Тебе.

Что же касается до прописных сентенций Твоих родных и знакомых, то они меня мало трогают, ибо цыплят по осени считают, а я отнюдь не считаю, чтобы моя осень наступила или даже приближалась. Лишь бы я сам знал, что я делаю, а там хоть бы не только тряпкой, а даже и много хуже прозывали - это до меня не касается. И до Тебя касаться тоже не должно - неужели каждому факту, только и есть одно объяснение, - ведь это путь близоруких людей, которые глубже поверхности заглянуть не могут. Какая у нас - русских - сквер-

ная манера ни во что ставить человеческую личность и раскусывать её, словно она орех. Ведь послушаешь людские речи, так выйдет: надевай камень на шею и умирай – ан, нет, не умрём, а будем сражаться!

Вчера был со мной курьёзный случай. Сочинил я эскиз «Мёртвый царь» — когда скифы возят перед похоронами тело царя по городам его. Вечером же был у знакомых, и втянули меня в столоверчение, в которое, как я, помнишь, говорил Тебе, вовсе не верю. Можешь представить себе моё изумление, когда стол на мой вопрос: «который из моих сюжетов лучший?» выстукивает: «скифы мёртвого человека хоронят». Никто из присутствующих не мог знать этого сюжета, ибо я сочинил его в тот же день и никому ещё не рассказывал. Вот то чудеса! А всё-таки в столы ещё не верю, надо ещё как-нибудь испытать.

Сегодня начал работу. Начал картину из свайных построек и нашёл натурщика старика итальянца (который на всё только и говорит si, si, signoge) и натурщицу для рисунка. Через месяц, вероятно, поступлю в мастерскую. А всё-таки как одному скучно - Ты и представить не можешь. Сердце так иногда занает, что поневоле рванёшься на улицу и бегаешь там без цели. Приходится напрягать весь рассудок, чтобы водворить себя на место.

Добрую Екатерину Васильевну поцелуй крепко; жду время, когда смогу достойно отблагодарить её за её доброе отношение. Неужели она во мне ещё не разочаровалась? Ведь я причинил ей столько боли. Как сложно может, однако, складываться жизнь! Ладушка, милая, родная, не потеряй себя, береги свою хорошую натуру и работай - в ней только счастье. Пиши. Целую крепко. Тв. Мис...

Зачем, Ладушка, я не увёз Тебя с собою из Питера. Так бы вот взять, да и увезти - хоть насильно. Разве приехать мне за Тобою? Знаешь, миленькая, я не шучу. Будем, Голубчик, здесь вместе учиться, иначе и я здесь погибаю, да и у Тебя ученье, вероятно, всё-таки тормозится. Здесь же прожить можно. 2000, которые мне даёт мамаша, - она не отнимет обратно — все её застыдят. Ещё 1000 р. в год мне дадут. Если Ты можешь иметь 1000 р., да, я шутя заработаю рублей 500 (между делом), то всё это составит 4600 р., т.е. 12.100 фр.

Теперь посмотри на следующий правдоподобный бюджет.

Квартира	
(маст. 2 комн. ванна)	1 600
Прислуга	300
Еда	4 350
Одежа и прачка	950
За ученье	1 350
Освещение, отопл.	550
Извозчики	720
Книги, ноты	300
Мелкие вещи	180

.....10.300

при наличных, если даже ничего не заработаю10.600

Всем святым для Тебя умоляю - мою хорошую Ладушку - рискни. Ведь эти цифры уже не химерные. Как мы заживём-то! И больше Твой Майчик никогда не будет трусом. Какой я был осёл, оставляя Тебя в Петербурге. Я дол-

жен был бы сидеть у Тебя, не уходить от дверей, пока Ты не согласилась бы. А я на Твой первый отказ замолчал - заделикатничал. - Экий болван, право, а ещё 26-й год живу. К весне вы ведь собирались приехать в Париж; миленькая, останься тогда со мною, здесь и обвенчаемся. Но до весны ждать-то далеко и трудно ждать.

Ладушка, прости Твоего скверного Майчика! Не разлюби его! Просто вот не найду слов, как написать. То, что я сделал, мне не по душе - надо было Тебя везти. А потом, когда-нибудь вернёмся в Россию с запасом знаний и опыта и устроим и там свою жизнь лучше. Какая у нас работа-то будет! - Скорая да спорая.

Получив эту записку, ответь мне немедленно, поговори с Ек. Вас.

Я не могу быть без Тебя.

Целую Тебя крепко, крепко

Н.

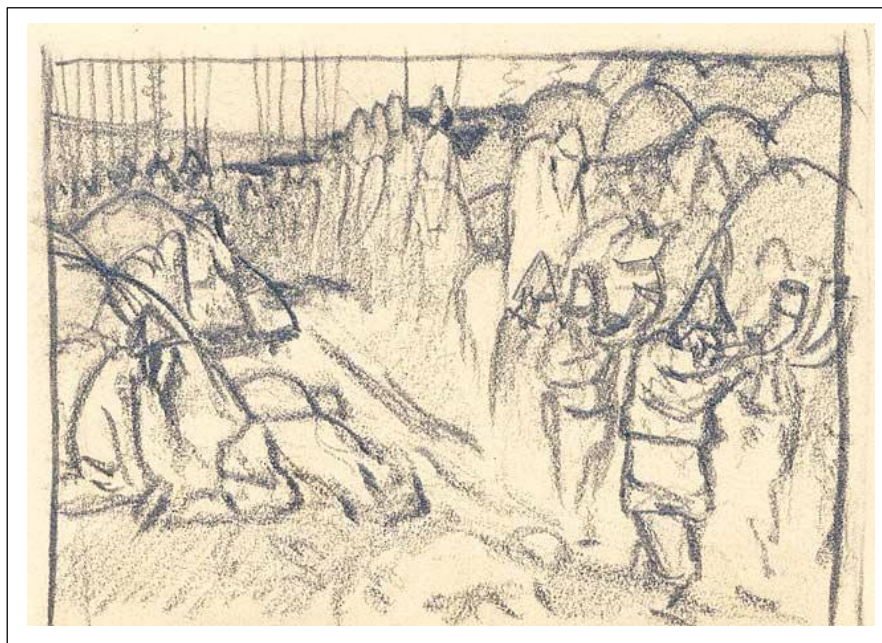
Мои знакомые здешние (которые нам будут очень полезны во всех отношениях), оказывается, хорошо знают Ек[атерину] Вас[ильевну], ибо Лосская (рожд. Голстунская) подруга Ек. Вас. по Институту.

Четверг.

Княгиня знает Итальянца Маркиза Рива - певца и аккомпаниатора.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/169, 5 л.

«Сочинил я эскиз «Мёртвый царь» — когда скифы возят перед похоронами тело царя по городам его...»

Н.К. Рерих. Мёртвый царь. Эскиз. [1900]-

[Октябрь 1900 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Пятница (пиши на письме не число, а лучше день).

Ладушка, радость моя. Жизнь моя. Если бы Ты знала, как каждое утро впивался я глазами в консерджу, приходившую за платьем, - не белеет ли в её руках белый или синий клочок бумаги, прилетевший издалека от единственного, дорогого человека. И ничего эти 2 дня не белело, и сокрушённо спрашивал я: «Нет писем?», а консерджа со спокойной улыбкой отвечает: «Да ведь Вы и то часто и много получаете». Много! да разве это то, что нужно; разве это те письма, чем я живу. Сейчас сижу и сочиняю эскиз - время завтракать; приходит консерджа с завтраком и подаёт милый синий конверт. Конечно, завтрак и эскиз к чёрту! - и читаю. Прочитал, нахлынуло на меня что-то неизвестное, налетели нестройные мысли, и я зарыдал - форменно зарыдал (хорошо что ещё никого не было). Сейчас пишу и еле удерживаю слёзы, и всё моё существо безумно кричит: люблю, люблю, больше себя люблю!

Милая моя, хорошая, дорогая; я чувствую, что Ты сердцем чутким своим поняла, что многое бывшее со мной последнее время болезненное, выжатое непосильными тяжестями, но по существу я не такой, - я прежний, которого Ты начала любить.

Ты спрашиваешь, стоит ли присылать мне фотографию? И на этот вопрос у меня два объяснения. Одно хорошее, другое очень болезненное. Первое - это Твоя надежда на скорое свидание, а второе, что вообще стоит ли мне посылать фотографии - что, мол, есть и лучшие места для их помещения. Ведь не второе? Нет? Ты спрашиваешь, стоит ли посылать: и этот вопрос напоминает мне другой, а именно, если бы в пустыне один человек умирал от жажды, а другой сказал бы ему: «у меня сейчас будет вода, да только стоит ли напоить Тебя?» Ведь Ты же знаешь, что Твои карточки будут для меня талисманом (таким же, как и первая Твоя записка в Берлин), ведь Ты же знаешь, что, целуя их и утром и вечером, поставлю их во всех углах моей комнаты, чтобы мне отовсюду видеть мою дорогую, мою радость - Ладу.

А ещё спрашиваешь! Как не стыдно. Ведь Ты - всё, что привязывает меня к жизни. Прости милая, но я вижу, что люблю Тебя даже больше искусства.

Одна строчка меня очень порадовала в письме Твоём, что моё письмо было очевидно Тебе приятно. Скажи, когда сидела Ты одна на балу, о чём думала Ты? О Майчике хоть немного да думала. И ещё, может быть, думала: «Неужели всё, о чём мы так много говорили и так горячо толковали; неужели всё это пустые звуки; неужели жизнь - вот это, что меня теперь окружает?» Вот такие мысли должны были быть у Тебя, когда Тебе сказали, что у счастливых людей таких глаз не бывает.

Я не верю, чтобы это были пустые звуки. Это ли не задача жизни, доказать (несмотря ни на что), что жизнь именно в этих пустых звуках и что земля стоит именно этими пустыми звуками, а не беззвучною, установившеюся жизнью нашего Общества. Выйди, милая, из этих рамок! Ты уже получила моё вчерашнее письмо; приказывай, как мне сделать. Если крикнешь: приезжай, то через 8 дней буду в Питере (5 дней письмо идёт, 3 дня на дорогу), но приеду лишь с тем, чтобы назвать Тебя моею и ехать опять сюда.

Мне хочется, чтобы Твоя музыка развернулась именно здесь. Или приказывай, и я немедленно займусь устройством квартиры и всего прочего и буду

ждать. Пусть называют сумасшедшими, пусть клеймят, как угодно, но в наших руках искусство, а в нём всякие слова бессильны. Я твёрдо верю, что кому дан талант, с того это в следующих существованиях и спросится. Ведь Ты и сама недовольна теперешней жизнью своей. Когда-нибудь будем и мы в Питере иметь свою жизнь, но она будет иметь для нас иной смысл.

Какая у меня большая любовь к Тебе теперь. Достаточно сказать, что без слёз не могу видеть писем Твоих. Да, любовь – страшное чувство. Всё-таки я до последнего времени как-то стыдился её, а теперь готов кричать: «Люблю, и не считаю это позорным». Ладушка, слышишь ли? Чувствуешь ли? – молчат стены, бежит по-прежнему шумная жизнь за окном, и кричу я куда-то, словно в бездонное пространство. Нельзя писать через неделю. Через неделю я могу извещать, напр., своих, что, мол, на Шипке – всё спокойно и по несчастью я ещё не умер, но наши весточки совсем иные – тут посылаешь часть души. Ой, как мучаюсь я! – пожалей милая. Всё кругом меня колеблется; разочарования в людях следуют одни за другими; сумбур и гадость жизни преследуют по пятам, остаётся лишь Ты да искусство. Ещё недавно я бы сказал наоборот, но теперь вижу, что от Тебя всё зависит.

Посмотри, разве не видишь перед собой дружной работы, понимания друг друга и борьбы, а затем подготовку новых борцов и работников. Разве тот центр, о котором мы говорили, разве он в балах и на вечерах.

Крамской писал: «Вперёд, вперёд без оглядки!» Ну же, вперёд, моя хорошая, моя светлая Лада!

Как обидно, что письмо должно идти 5 дней, значит, ответ не раньше, как через 9-10 дней.

Поцелуй Екат. Вас. Буду работать и ждать. Ждать и работать. С самого утра у меня какое то смутное ожидание – хоть начинай либо пить, либо опий курить.

Целую Тебя крепко, крепко.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/174, 4 л.

[20 октября ст. ст. / 2 ноября 1900 г., Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Rue [du] Faubourg St. Honore. 235.

Радость моя Ладушка, наконец-то могу написать Тебе более или менее спокойно. Сегодня получил Твоё карандашное письмо и, хотя и немного, мог прочитать в нём, но всё же немного успокоился – если болезнь Твоя не хуже.

Сегодня в первый раз буду спать в мастерской моей. Представь себе следующую картину: довольно большая комната (10-7 ½ шагов) с огромным окном. Простая постель, умывальник, маленькая лампочка освещает небольшой круг – потолок и стены убежали в темноту, за простым белым столом сидит Твой Майчик и пишет письмо своей Ладушке. На улице кипит шумная жизнь, а в комнате тихо, только щёлкает уголь в железной печурке – тихо кругом Твоего Майчика, словно в тюрьме – голые стены и маленькая дверь тоже походят на тюрьму, – скучно Твоему Майчику.

Миленькая моя, да ведь измучился я за это время, всё думал о Твоём нездоровье. Даже смешно, - покупал всякие прозаичные вещи вроде кувшина,

мыла, лампы и прочего, а думал всё о Тебе. Теперь купил lilas blan[s], надушился и словно бы Тебя около почувствовал. И кажется мне – вот-вот откроется дверка и войдёшь Ты, а я схвачу Тебя, крепко, крепко, понесу и посажу рядом с собою; буду целовать Тебя – мою хорошую, которая верит мне – это я чувствую по тону письма Твоего. Я боюсь, не чувственность ли это – что мне до такой степени хочется целовать и ласкать Тебя. А Тебе тоже хочется? Хорошо ли это? Чувствуешь ли, что [далее 1, 5 строки зачёркнуты]. Чувствуешь это?

Не давай, миленькая, обстоятельствам властвовать над собою. Что же делать, если нам выпала линия тяжёлая – тем прочнее будет, если мы пройдем именно этой тяжёлой дорогою и всё же добьёмся цели. Если же покорно склоним голову и вольёмся в русло общего потока, то никто не станет собирать капли души нашей, чтобы делать из них целебные воды, а будут их лить в ушаты и мыть ими чужое грязное бельё. Нет, лучше пройти какие угодно подземные ущелья и вынырнуть полезным и здоровым источником, нежели литься широким руслом и служить для поливки улиц. Чем больше смотрю на результаты труда человеческого, тем яснее мне ничтожность окружающих обстоятельств. Только труд, сознательная работа живёт надо всеми; её ничем не разрушишь, ничем не прикроешь; преходящи личности, а работа живёт.

Слышу я, что обругали меня здорово Репин и Дягилев – ну что ж, пускай! Это лишь сердит меня, но ничуть не обескураживает, и знаю я, что коли только хватит здоровья, то рано или поздно, а придётся им замолчать.

Кстати, не слыхали, какое впечатление производит эта история в обществе. Как идёт музыка? За это время я здорово тут прожился – уже просил о присылке денег, не знаю, пришлют ли.

Мне попала славная консьержа, такая милая старушка.

Нашлись одни знакомые (я уже, кажется, писал Тебе) Лосские, которые приняли меня очень хорошо и уже угощали пенъем, а в воскресенье идём в концерт Колонна, посвящённый Сен-Сансу.

Миленькая, не забывай и пиши мне да пиши подробнее, неужели я не заслужил за месяц ни одного письма на 6 стран.

Ек[атерину] Вас[ильевну] целую.

Н.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/420. 3 л.

**[20 октября] / 2 ноября н.с. 1900 г.,
Письмо Н.К. Рериха к Стасову В.В.**

2 ноября н.с. 1900 г., вечер.

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич.

Сейчас я устроился в мастерской. Мой адрес теперь: Rue de Faubourge St. Honoré, 235. Представьте себе: довольно большая комната, простая постель, умывальник, 3 стула, мольберт, белый стол, на нём лампочка, освещает она небольшой круг – всё остальное убежало в темноту. За столом сижу я – пишу Вам. На улице шумит жизнь, а в комнате тихо, и голые стены и маленькая дверка дают какое-то тюремное настроение, и мне одному скучновато. Хорошо ещё, что работа не допустит такой пакости, как хандра. Правильно Вы говорите: «дальше от всяких больших компаний». Может быть, эта одиночная дорога и труднее многих, но зато достигнутое именно этим путём будет прочнее многого прочего. Если же покорно опустить голову да влиться в об-

щее русло потока, то никто не станет собирать капли души, чтобы делать из них целебные воды, а будут лить в ушаты и мыть ими чужое грязное бельё. <Ведь> лучше пройти Аллах ведаёт какие ущелья и теснины и вынырнуть чистым и полезным источником, нежели стремиться внешним руслом и служить для поливки улиц. Так ведь, Владимир Васильевич? Ведь только работу никак не заплёёшь и никуда не засунешь. Пусть ругаются господа Репины, Дягилевы и tutti quanti – ещё поспорим с ними.

Чтобы Вы не сказали: «мечты, мечты!», расскажу Вам, что с воскресенья начинаю работу. Начинаю рисовать беспощадно и усиленно. Вероятно, поступлю к Лефевру или к Ж.-П. Лорансу. Как мне обращаться со здешнею Библиотекой? Нет ли в ней чего-либо славного по Византии? Непременно воспользуюсь знакомством с Волковым для осмотра музея. В Ключи (какой превосходный музей) симпатичный директор Саглио. Рад, что научусь французскому языку, ибо при постоянной невольной практике поневоле обучишься. Буду заниматься и английским – есть возможность. На днях слышал начинающую русскую певицу, она пела из «Юдифи» - прелестный и сильный голос, вероятно, из неё большой толк выйдет. Если получу Ваши указания насчёт Библиотеки – буду несказанно рад.

Преданный Вам Н.Р.

Публикуется по изданию: Рерих Н.К.. «Письма к В.В. Стасову. Письма В.В. Стасова Н.К. Рериху» СПб. 1993.

Н.К. Рерих. Мастерская художника. (2 рис.) [1900 г. Париж.]

Слева: Окно и рамы Рисунок с надписью: *По правой стене следует стол, а затем ширма и постель.* Справа: Угол комнаты.